

Нова серия
ДЕЛА

ЩЕРЛОК ХОЛМС

И ТАЛИСМАН ДЪЯВОЛА

Барри Робертс

**Шерлок Холмс и
талисман дьявола**

Робертс Б.

Шерлок Холмс и талисман дьявола / Б. Робертс —

Читатели, знакомые с повестью «Шерлок Холмс и железнодорожный маньяк», должны принять во внимание, что если в этой повести Ватсон, очевидно, рассказывает о последнем деле Шерлока Холмса, то «Шерлок Холмс и талисман дьявола» – запись гораздо более раннего эпизода из области совместной работы Шерлока Холмса и доктора Ватсона. Повесть, очевидно, принадлежащая перу Джона Г. Ватсона, доктора медицины. Прокомментировано и подготовлено к изданию Барри Робертсом.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
1	6
2	8
3	11
4	14
5	17
6	22
7	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Барри Робертс

Шерлок Холмс и талисман дьявола

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мне уже приходилось объяснять, как некоторые рукописи, принадлежащие, очевидно, перу Джона Г. Ватсона, стали моим достоянием. Комментируя и готовя их к изданию, я пытался по мере сил удостовериться в их подлинности и соответствии действительным событиям, несмотря на то что Ватсону было свойственно путать имена реальные и вымышленные. Однако свидетельства подлинности не являются исчерпывающими, и я должен предоставить решение этого вопроса на усмотрение самого читателя.

Читатели, знакомые с повестью «Шерлок Холмс и железнодорожный маньяк», должны принять во внимание, что если в этой повести Ватсон, очевидно, рассказывает о последнем деле Шерлока Холмса, то «Шерлок Холмс и талисман дьявола» – запись гораздо более раннего эпизода из области совместной работы Шерлока Холмса и доктора Ватсона.

Рисунки Гластонберийского фрагмента и сопутствующие им рукописи так сильно выцвели, что их почти невозможно было расшифровать и поэтому пришлось восстанавливать практически заново.

Барри Робертс

Уолсолл, сентябрь 1994

1

СТАРЫЙ ЗНАКОМЫЙ

За много лет работы детективом-консультантом мой друг Шерлок Холмс имел дело с людьми самыми разными – от первейших негодяев до высших лиц страны. В большинстве случаев мы вторгались в их жизнь ненадолго и трагически, а после окончания дела их больше никогда не видели и ничего о них не слышали. Только изредка и случайно нам доводилось узнавать, что случилось с теми, кто не был приговорен к тюремному заключению или виселице после того, как мы видели их в последний раз. Холмс был на редкость нелюбопытен насчет судьбы наших клиентов и свидетелей.

Едва он завершал дело, как ум его уже настойчиво жаждал новых загадок и о старых наших делах он вспоминал только затем, чтобы похвастаться своими детективными приемами. Меня же судьба наших клиентов продолжала интересовать, и впоследствии я не мог удержаться от того, чтобы не поразмышлять об этом на досуге. Вот почему я испытал большое удовольствие, когда прошлой зимой на Стрэнде встретил одного хорошо одетого американца, лицо которого показалось мне знакомым, хотя имени его я вспомнить никак не мог.

– Доктор Ватсон! – закричал он. – Ведь вы – доктор Ватсон, не так ли? – И наградил меня теплым крепким рукопожатием.

На языке у меня вертелось его имя, но я никак не мог его вспомнить, а он громко расмеялся, заметив мое замешательство:

– Нет, сэр! Вы и не должны меня узнать. Миновало больше двадцати пяти лет, и в то время я был еще тощим юнцом. Зовут меня Харден, Джон Винсент Харден Младший!

Это имя вызвало у меня воспоминания об одном из самых необыкновенных случаев, которым мы с Холмсом занимались. Я быстро уговорил Хардена пойти со мной к Симпсону, где подавали лучшие для военных времен бифштексы. И мы стали вспоминать.

Ему было уже за сорок, и из худощавого юноши он превратился в достаточно плотного мужчину. Он очень был удивлен, услышав, что Холмс удалился от дел и посвятил себя разведению пчел, и сказал мне, что его отец, Харден Старший, давний наш клиент, уже умер. Харден Старший нажил огромное состояние на выращивании виргинского табака. На мой вопрос, что он делает сейчас в Англии, Харден ответил, что занимается поставкой американским экспедиционным войскам, находящимся во Франции, консервов.

– А к театру вы совсем потеряли интерес? – спросил я.

Он печально улыбнулся:

– Да, доктор, отец настоял на своем, и я на первых порах стал выращивать вместе с ним табак. Мое лучшее и последнее представление я дал для мистера Холмса. Я играл замечательную роль, и зрителям это понравилось. После этого никакой театр уж не мог прийти мне по нраву! Но мой сын сейчас так же увлечен кино, как я в свое время сценой. Говорит, что, когда подрастет, уедет в Калифорнию создавать себе имя.

Харден спросил о добровольном «Нерегулярном войске с Бейкер-стрит», об этих замечательных уличных мальчишках, которые многие годы были в Лондоне глазами и ушами Шерлока Холмса. Я ответил, что мне было наверняка известно: двое погибли во Фландрии, а один получил медаль «За военные заслуги».

Мы приятно провели вечер и расстались около ресторана, но эта встреча побудила меня при первой возможности достать свои записки двадцатилетней давности. Видно, наша встреча произвела такое же впечатление и на Хардена, потому что вскоре я получил от него письмо и немного табака с его плантации. Он не так хорош, как смесь «Старая Аркадия», но поставки ее с началом войны стали нерегулярными, так что и на том спасибо.

Его письмо передо мной:

«Френчмен, 13, Рид

Кэррон Каунти,

Виргиния,

США.

22 февраля 1918.

Дорогой доктор Ватсон!

Пишу, чтобы еще раз поблагодарить за гостеприимство, оказанное Вами иностранцу в прошлом месяце в Англии. Посылаю немного нашей продукции, что, надеюсь, скрасит Вам досуг и напомнит о Вашем старом знакомом.

Сожалею лишь, что недостаток времени не позволил мне навестить мистера Холмса, но из Ваших слов я понял, что он не очень охотно принимает посетителей. Когда будете ему писать, передайте мои наилучшие пожелания и скажите, что я никогда не забуду Гластонберийского дела.

Иногда мне хочется, чтобы все узнали историю этого странного дела, тогда бы мистеру Холмсу и Вам за участие в нем могли бы воздать должное. Быть может, когда-нибудь Вы сочтете возможным рассказать о нем.

Ваш Джон В. Харден».

Мне бы тоже хотелось рассказать о странном приключении, которое свело Холмса с семейством Харденов, и я не раз говорил моему другу, что прошло уже достаточно времени и можно все опубликовать. Но он всегда на это отвечал одно и то же: «Ватсон, вы прекрасно знаете, что это одно из тех дел, когда я неоднократно был вынужден обходить закон. И хотя мне не по душе ваши мелодраматические отчеты о моих расследованиях, я уверен, что вы меня не подведете, дав повод властям преследовать меня, ведь я заслуживаю оправдания. Кроме того, вы не можете все правдиво рассказать, не упоминая о других моих действиях, которые станут объектом критики. Если я окажусь причиной серьезных дебатов на страницах „Таймс“, это вряд ли будет способствовать мирному существованию удалившегося от дел человека».

Мне не по душе было противоречить Холмсу в этом случае, но дело, как он сам заметил, было во многом интересным, а в скором времени его, как и меня, уже не смогут обеспокоить какие-либо разоблачения. Поэтому, выполняя просьбу Джона Винсента Хардена, я излагаю события, происшедшие во время Гластонберийского дела, чтобы их можно было обнародовать, когда мы с Холмсом будем уже недостижимы для властей и критики. Если Харден не доживет до публикации этих записок – так тому и быть, но я верю, что его потомкам однажды представится возможность узнать об уникальном эпизоде из их семейной истории, а более широкому кругу лиц еще раз убедиться в своеобразном мастерстве Шерлока Холмса.

2

ДОСАДНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Я где-то писал, что годы возвращения моего друга после трех лет отсутствия были самыми насыщенными в его деятельности, и дело Хардена приходится на этот период. Весной 1895 года миссис Хадсон и ее сестра миссис Тернер были вызваны на север ухаживать за смертельно больным родственником. Поэтому на какое-то время нам пришлось переселиться в гостиницу.

Холмс всегда чувствовал себя не в своей тарелке, когда не был занят очередным делом, и вскоре начал проявлять так хорошо знакомые мне признаки раздражения. Со времени приезда из-за границы Холмс ни разу не прибегал к наркотикам, но я боялся, что дальнейшая бездеятельность может снова привести его к употреблению кокаина. Я попытался так или иначе, как уже бывало прежде, его развлечь. Будучи человеком, не склонным к развлечениям, он получал истинное наслаждение лишь в том случае, когда его мозг бился над разрешением какой-нибудь сложной проблемы, а жизнь в удобной столичной гостинице этому не способствовала.

Однажды вечером, когда мы вернулись с концерта, нас приветствовал в вестибюле высокий светловолосый юноша лет пятнадцати. Я узнал в нем постояльца гостиницы, поскольку видел его в столовой с родителями и, видимо, с двумя младшими сестрами. Он обратился к нам, мелодично растягивая слова, как житель Юга Соединенных Штатов.

– Простите меня, пожалуйста, – спросил он, – на самом ли деле я имею удовольствие видеть мистера Шерлока Холмса и доктора Ватсона?

– Имеете, – отвечал Холмс. – Позвольте и нам узнать, с кем имеем честь?

– Я Джон Винсент Харден Младший, – отвечал юноша. – Здесь я с отцом и матерью. Я видел вас, джентльмены, и служащий подтвердил мне, кто вы. Мне только хотелось бы сказать, как я восхищен вашими расследованиями, мистер Холмс. Я читал об этом все написанное доктором Ватсоном.

Восторженность юноши вызвала у Холмса улыбку.

– Приятно познакомиться с вами, мистер Харден. Если доктор Ватсон или я сможем быть полезны вам или вашим родственникам, пока вы находитесь в Англии, вы знаете, где нас найти.

По лицу юноши, казалось, пробежала тень. Немного помолчав, он сказал:

– Да, есть кое-что... а впрочем, нет никаких причин отнимать у вас драгоценное время, мистер Холмс, но тем не менее я вам очень благодарен. Простите мою навязчивость. – Юноша вспыхнул, резко повернулся и ушел.

Задумчиво посмотрев ему вслед, Холмс обратился к стоявшему за стойкой клерку:

– Что вы можете мне сказать об этом молодом человеке? – И показал на уходившего юношу.

– Об этом? – спросил клерк. – Он сын полковника Хардена, американского табачного миллионера. Вся семья тут уже неделю. Вы, сэр, наверное, уже видели их в столовой – они всегда занимают стол у окна с полукруглым верхом. Полковник Харден – высокий брюнет вроде вас, а жена его – красивая светловолосая дама. Кроме сына, у них еще две хорошенькие дочки.

– А не знаете ли вы, что привело полковника и его семью в Лондон? – спросил Холмс.

– Сейчас в Лондон приезжают ради своего удовольствия много богатых американцев, – отвечал клерк, сам немного удивленный этим обстоятельством. – Но полковник Харден занимается здесь фотосъемкой наших архитектурных памятников. Об этом написано во вчерашней газете. – Он пошарил под конторкой, достал газету и протянул ее Холмсу. Тот быстро прочитал заметку и передал ее мне.

«Стереоскопия в лондонском Тауэре На этой неделе любители достопримечательностей нашей столицы могли неожиданно наткнуться на американского джентльмена с фотокамерой. Несколько дней этого джентльмена видели в лондонском Тауэре, соборе Святого Павла и других местах, где он фотографировал самые неожиданные детали в наших прославленных исторических сооружениях. Это не является, как некоторые могут предположить, проявлением какой-то одержимости, которая охватывает наших американских кузенов, едва они увидят строения, гораздо более старые, чем их конституция. Джентльмен, весьма известный по ту сторону Атлантики, проводит в нашей стране серьезные научные эксперименты. Нас посетил полковник Джон Винсент Харден из Вирджинии, где этот миллионер владеет громадными плантациями табака. Не в пример другим встречавшимся нам американским „полковникам“ он с полным правом носит свое звание, полученное за службу в армии конфедератов в период злосчастной для них Гражданской войны, в которой он неоднократно отличился.

Наш корреспондент связался с полковником Харденом в Вестминстерском аббатстве, и он любезно объяснил ему свой интерес к нашим достопримечательностям.

– Я привез с собой фотокамеру собственного изобретения. Это совершенно новый стереоскопический аппарат, который дает иллюзию трехмерного изображения, и кажется, будто расстояние между объектами больше, чем оно есть в действительности.

Заметив смущение нашего корреспондента, полковник продолжил свои пояснения и сказал, что его камера позволяет фиксировать самые мельчайшие детали поверхности и значительно увеличивать их размеры.

С помощью своей камеры он уже сфотографировал наскальные надписи в Нью-Мексико, где обитали индейцы племени зуни, сделанные испанскими конкистадорами три века назад.

– Я привез свое оборудование в Англию, чтобы испытать его на действительно древних поверхностях. Быть может, я обнаружу неизвестные надписи в ваших старых соборах и аббатствах. Я нажил огромное состояние, поощряя одну из самых вредных привычек людей, но мне хочется, чтобы меня помнили за более весомый вклад в сокровищницу человеческого знания, – сказал ученый.

Полковник Харден, покинув Лондон, намерен продолжить свои исследования и ознакомиться с такими доисторическими памятниками, как Стоунхендж и Эвбери, а также посетить некоторые разрушенные аббатства».

Холмс вернул газету служащему вместе с мелкой монетой, и мы поднялись по лестнице в свои комнаты.

Мы уже готовились отправиться спать, когда Холмс задумчиво произнес:

– Меня удивляет, почему сыну полковника Хардена кажется, что его семье, возможно, понадобится моя помощь, и почему он не может сказать мне об этом?

На другой день вечером мы с Холмсом опоздали к обеду. Я с удивлением заметил, что семья Харденов в полном составе покинула стол у окна и теперь занимает тот, что стоял в нише в конце зала. Я и мой друг воспользовались этим и расположились за столом у окна.

Мы уже пообедали и не спеша попивали перед десертом вино. Холмс весь день был непоседлив и чем-то обеспокоен, и сейчас это выражалось в его отрывочных саркастических замечаниях.

– Послушайте, Ватсон, кто это сказал, что родственники не только не знают, как надо жить, но и когда следует умереть? – спросил он, подняв бокал.

Я уже хотел ответить, что источник мне неизвестен и что, очевидно, его замечание относится к семье миссис Хадсон, когда раздался звук, похожий на сильный удар по стеклу, и окно за спиной Холмса разлетелось на мелкие осколки. Почти одновременно в руке Холмса лопнул бокал с вином, залив белую скатерть.

Меня совсем не задело, и я вскочил на ноги с криком:

– Холмс! Вас не ранило?

– Я в порядке, Ватсон, – ответил Холмс, стряхивая осколки на стол. – Но такие шутки очень досадны.

3

ХОЛМС ПРЕДУПРЕЖДАЕТ

Убедившись, что друг мой не пострадал, я сразу же выбежал из столовой и помчался через вестибюль к подъезду. Выскочив из подъезда на улицу, я услышал шелканье кнута и стук колес отъезжающего экипажа. Одиноким пешеход показал тростью на экипаж, словно подтверждая мое мнение, что стреляли именно из него. Однако на улице не было видно ни кебов, ни полицейского, и мне ничего не оставалось, как только вернуться к Холмсу.

В столовой царило полное смятение. Некоторые из постояльцев, испуганные нападением на Холмса, сразу побежали за мной, а другие уже требовали у портье свои счета. Третьи, оставшись за столом, возбужденно обсуждали случившееся. Полковник Харден со своей семьей отправился в свои комнаты. Два официанта подбирали вокруг стола осколки.

Холмса я нашел не сразу, а потом заметил, что он ползает на коленях в углу комнаты, пристально осматривая ковер под столом. Внезапно Холмс сел на корточки – большим и указательным пальцем он держал что-то крошечное.

– Вот! – воскликнул он. – Я так и думал!

При виде меня он крикнул:

– Ватсон! Вы упустили этого человека?

– Его было невозможно задержать, – мрачно ответил я, подошел и кратко рассказал ему об увиденном на улице.

– Не важно, – успокоил меня Холмс. – В руках у меня то, чем стреляли, оно поможет нам кое-что разузнать о случившемся.

Он пододвинул стул от свободного стола и уселся, я тоже. В столовую вошел помощник управляющего и направился к нам:

– Надеюсь, мистер Холмс, вы и доктор не пострадали? Чем могу служить? Быть может, подать бренди?

– Нет, благодарю, – отмахнулся Холмс. – С нами все в порядке. Бренди не нужно. Мы и так достаточно возбуждены. Может, полбутылки вина, которое мы пили за обедом?

Пока подавали вино, я внимательно глядел на моего друга. Несмотря на опасность, которая недавно угрожала его жизни, случившееся освежило его, как вода увядающее растение. Он бросил маленький предмет на скатерть и тот перекатился ко мне.

– Что это, по-вашему, Ватсон?

Я взял в руки и внимательно рассмотрел цилиндрический кусок стали в полдюйма длиной и четверть дюйма диаметром. Один конец был остро заточен.

– Какая-то самодельная пуля, – предположил я. – По-моему, ее не отливали, а отпилили от стального прута и подточили.

– Именно так, – согласился Холмс. – А из какого оружия можно такой пулей выстрелить?

– Вряд ли из обычного огнестрельного оружия. Как поместить ее в магазин?

– Понюхайте его, – приказал Холмс.

Я понюхал его, но учуял только слабый запах масла, в которое могли погрузить стальной прут.

– Нет порохового запаха, – добавил я.

– Правильно! – ответил Холмс. – Короче говоря, как вы заметили, стреляли не из огнестрельного оружия.

– Значит, из духового? – спросил я.

– У меня такое же предположение, – ответил Холмс.

Меня пронзила мысль.

– Конечно, вы не думаете, что профессор Мориарти... – начал я.

Холмс поднял руку, чтобы я не продолжал.

– Уверяю вас, Мориарти мертв, но было бы большим заблуждением считать, что если он и его сообщники когда-то любили применять против меня духовые ружья, то тот, кто сегодня стрелял, – агент покойного профессора.

– Однако, Холмс, прошел едва ли год, как Мориарти пытался убить вас из духового ружья!

– Правильно, но оружие, выпустившее эту пулю, не было изготовлено фон Гердером или какой-нибудь мелкой террористической группой, как в случае с Мориарти. Это оружие – скорее всего из серии так называемой «палки браконьера» или «трости-ружье».

– Я не знаю такого оружия.

– И неудивительно, но если бы вы практиковали в провинции, то могли бы столкнуться с последствиями его применения. Это простое, но эффективное духовое ружье, состоящее из двух металлических цилиндров, входящих один в другой и соответствующих по длине и диаметру трости для загородных прогулок. Оно имеет механизм для сжатия воздуха и спусковой крючок. Один цилиндр движется в другом туда и обратно, создавая давление, и когда оно становится достаточным, ружье может произвести мощный выстрел. Такие ружья продаются в магазинах, но, как видите, их можно изготовить и самим.

– Трость для прогулок! – воскликнул я. – У человека на улице такая и была!

– Да, Ватсон, – сказал Холмс. – Возможно, он и стрелял. А экипаж должен был отвлечь внимание в случае серьезного преследования. Слабое утешение знать, что нападали не любители, а профессионалы.

– Но кто же мог напасть на вас, Холмс, именно сейчас? – спросил я.

Холмс слегка рассмеялся:

– Силы небесные, Ватсон! Да ведь целились и стреляли не в меня! А теперь давайте допьем вино. Нам нужно нанести визит одному лицу, если оно захочет с нами иметь дело.

Когда мы выходили из столовой, Холмс жестом руки остановил проходящего мимо помощника управляющего.

– Где можно найти полковника Хардена? – спросил он.

– По-моему, сразу после нападения на вас, мистер Холмс, полковник увел свою семью в комнаты. Я его больше не видел.

– Не будете ли вы так любезны отнести полковнику мою визитную карточку и попросить его оказать нам честь встретиться с нами в курительной? – попросил Холмс.

Инцидент в столовой заставил многих постояльцев подняться в свои комнаты или отправиться в бар, поэтому, когда мы пришли в курительную, там никого не было. Мы закурили сигары и вскоре увидели, как к нам направляется полковник. Это был высокий худой человек лет шестидесяти. В его темных волосах уже мелькала седина, и он носил длинные бакенбарды. Бравая выправка выдавала его военное прошлое.

– Мистер Холмс, доктор Ватсон, – обратился он к нам. – Думаю, вам известно, что я имею честь быть полковником Джоном Винсентом Харденом. Надеюсь, вы не пострадали?

Мы заверили его, что оба невредимы, и Холмс предложил полковнику сигару. Наш гость закурил и внимательно посмотрел на нас:

– Вы просили меня, мистер Холмс, встретиться с вами. Могу ли я быть вам чем-нибудь полезен?

Холмс выпустил дым в воздух и спокойно ответил:

– Я рассчитывал, полковник Харден, услышать от вас, каким образом можем помочь вам мы.

Харден чопорно выпрямился:

– Видимо, я вас не понимаю. Сожалею, что на вас напали. Я надеялся, что в Лондоне законы соблюдаются лучше, чем в каком-нибудь грязном городишке на границе Голубых гор, и так или иначе помогу вам поймать злодеев, но не понимаю, почему вы решили, будто я нуждаюсь в вашей помощи?

Холмс улыбнулся:

– Вчера вечером, полковник Харден, доктор Ватсон и я познакомились с вашим сыном. Юноша произвел на нас прекрасное впечатление. Он чуть было не рассказал нам, каким образом мы можем помочь вашей семье, но в последнюю минуту не решился на это.

Харден наклонился вперед, но Холмс остановил его, подняв руку:

– Пожалуйста, выслушайте меня, полковник! Сегодня вечером вы и члены вашей семьи обеды не в привычном для вас месте около окна, а за столом в дальнем конце зала. Во время обеда с улицы раздался выстрел, который едва не убил человека, сидевшего на вашем месте и внешне похожего на вас. Из этого невозможно не заключить, что вам угрожает опасность и что вы получили предупреждение.

– Вы меня разочаровали, мистер Холмс, – сказал наш гость. – Я так много читал о вашем удивительном дедуктивном методе, но сейчас вы решительно ошибаетесь. Могу приписать это лишь тому, что вы недавно избежали опасности и еще как следует не пришли в себя.

– Вы к нам крайне несправедливы, полковник, – ответил Холмс. – Вы думаете, что опасности не было. Однако вы, как человек чести, зная, что посетителю, занявшему ваше место, грозит опасность, несмотря ни на что остались бы там сами. Вы были уверены, что против незнакомца, сидящего у окна, ничего не предпримут, но не учли, что человек этот может быть внешне похож на вас. И вы знаете, что этот выстрел – предупреждение. Если преступник хотел бы выстрелить в человека, севшего на ваше место, он имел для этого полную возможность. Полковник Харден, это было явное предупреждение вам и вы можете избавить себя от большой беды, если расскажете нам, в чем все-таки дело.

Харден встал.

– Сожалею, – сказал он, – но могу лишь повторить, что тут вы заблуждаетесь. В Англии у меня нет врагов. Я недавно вступил на эту землю. Ни мне, ни моей семье ничто не угрожает, и более мне нечего вам сказать. Спокойной ночи, джентльмены.

– Очень хорошо, – ответил Холмс, – если вы хотите понимать это так – дело ваше, но если вы игнорируете предупреждение ваших врагов, то прошу учесть мое предостережение: нападение сегодня вечером было хитроумно спланировано заранее. Мое предложение остается в силе. Сейчас вы можете от него отказаться, но придет время и вы попросите моей помощи. Спокойной ночи, полковник.

Харден молча вышел.

4

СРОЧНОЕ СООБЩЕНИЕ

Когда мы на следующее утро завтракали, полковник Харден уже ушел со своей семьей, а вскоре мы узнали, что миссис Хадсон уже вернулась на Бейкер-стрит и ждет нас. Чтобы собраться и уплатить по счету, много времени не потребовалось и еще до полудня мы с радостью возвратились в наш дом. Как только мы вошли, Холмс сразу же бросился на кушетку и, вертя в руках пулю, уставился в пространство, размышляя о грозящей Харденам опасности.

После нескольких часов этих молчаливых раздумий я рискнул заметить, что, видимо, у него недостаточно данных для построения рабочей гипотезы.

– Я уже говорил вам, Ватсон, – ответил Холмс, – что ресурсы человеческого мозга неисчерпаемы и в основном нам еще неизвестны. Восточные мудрецы и философы уверяют, что все в мире связано со своим временем и стоит только досконально понять одно, как открывается все, что может быть отнесено к данному периоду. Когда-то в начале нашего знакомства у нас возник спор, когда я высказал мысль, что теоретически возможно из песчинки сделать вывод о существовании целого океана. Отчего же этой пуле не стать уликой в этом деле?

Я прекратил разговор и вернулся к своим книгам, а Холмс продолжал предаваться своим раздумьям, когда поздно вечером миссис Хадсон доложила о посетителе. Когда Холмс узнал, что это не посланец от полковника, он был крайне разочарован. Я сказал, что к нам пришла молодая красивая леди (я видел, как она направлялась к нашему дому), но Холмс заупрямился.

– Ватсон! – воскликнул он, – Я не разделяю ваше пристрастие к прекрасному полу. Они расставляют ловушки и отвлекают от дела. Скажите этой молодой леди, что сегодня день Святого Георгия¹ и я чту национальные традиции или что я уехал в Стратфорд-на-Эйвоне по случаю дня рождения Шекспира – короче, скажите что угодно, только сплавьте ее!

– По-моему, вы, Холмс, изменяете своему собственному логическому методу мышления. С одной стороны, вы провели почти весь день, пытаясь разгадать проблемы полковника Хардена, который, похоже, вас не поблагодарит, даже если вы преподнесете ему решение на тарелочке! А с другой стороны, несчастная молодая женщина приехала издалека только для того, чтобы изложить вам свои затруднения, – и я должен отослать ее ни с чем!

Холмс сел и несколько секунд бесстрастно смотрел на меня:

– Ладно, Ватсон, – наконец сказал он. – Если вам так хочется, я приму молодую леди. Пригласите ее войти, и мы постараемся помочь ей.

Несмотря на саркастические выпады относительно женского пола, когда посетительница появилась, Холмс стал сама любезность, и мисс Вайолет Смит за несколько минут обрисовала нам события, которые я уже описал в рассказе «Одинокая велосипедистка».

История мисс Смит заинтересовала Холмса, но не слишком; кроме того, было ясно, что он не хотел покидать Бейкер-стрит. Поэтому после ее ухода Холмс объявил мне, что рано утром в понедельник я должен буду отправиться в Суррей и провести на месте кое-какое расследование.

– Я, Холмс? – удивился я. – Наверняка будет лучше, если в Суррей поедете вы. Ведь вы никогда не остаетесь удовлетворены моими действиями. Если вы сами займетесь этим делом, все разрешится гораздо быстрее.

– Ватсон, те, кто угрожает полковнику Хардену, – профессионалы, хитрые и наглые. Они в любую минуту могут предпринять более опасные для него шаги. И когда это случится, я

¹ Святой Георгий – покровитель Англии. 23 апреля – день рождения У.Шекспира. – *Здесь и далее примеч. перев.*

должен быть достигаем. А вы, Ватсон, отправляйтесь в Суррей. Я знаю, вы сделаете все, что в ваших силах.

Однако, по мнению Холмса, мои старания были столь неэффективны, что на следующий день он отправился в Суррей сам. Ничто человеческое мне не чуждо, и я ощутил некое удовлетворение, когда увидел, что Холмс вернулся с кровоподтеком на лбу и рассеченной губой. Несмотря на это, он был в очень приподнятом настроении – он так нокаутировал противника, что того вынуждены были отправить в повозке.

Спустя неделю после визита мисс Смит мы уже оба были в Суррее, а к концу дня вернулись на Бейкер-стрит, успешно закончив дело.

Холмс опять стал раздумывать над странным поведением полковника Хардена. К полудню следующего дня наша гостиная была полна дыма, так как, сидя, словно Будда, на груде подушек, Холмс беспрерывно курил трубку.

– Может, это связано с его воинской службой? – спросил Холмс после двухчасового молчания.

– О ком вы? О Хардене? – спросил я. – Гражданская война в Америке, Холмс, окончилась тридцать лет назад. И старые счеты уже давно сведены.

– Возможно... возможно... но некоторые люди до сих пор еще ищут золотой клад конфедератов. Кроме того, убийцы Линкольна тоже до сих пор не попали в руки правосудия.

– Но ведь Бута расстреляли, а его сообщников повесили? – сказал я.

– То была мелкая рыбешка! – отмахнулся Холмс. – Главарь, гениально организовавший заговор, так и не был пойман.

– Вы предполагаете, что Харден связан с похищением клада конфедератов или причастен к убийству Авраама Линкольна? – спросил я.

– Вряд ли, – отвечал Холмс. – Я просто полагаю, что война, как все войны, оставила полковнику в наследство много дел. Гражданская же война, как никакая другая, рождает злобу и месть.

– А по-моему, секрет заключается в его богатстве, – предположил я. – Во время своих деловых операций полковник наверняка кого-нибудь всерьез обидел или кто-то счел себя обиженным и теперь хочет свести с ним счеты.

– Очень хорошо, Ватсон, очень хорошо – но почему все происходит в Англии? Полковник ведь никогда здесь раньше не был. Наверное, подобную месть устроили бы в штате Виргиния или по крайней мере где-то на территории Соединенных Штатов?

Я еще не успел ему ответить, как негромкий стук в дверь возвестил о приходе миссис Хадсон. Она подала Холмсу визитную карточку посетителя, и он передал ее мне, широко улыбаясь. На карточке с затейливой гравировкой красовался американский герб с орлом и надпись «Лоренс Г.Крейн, посольство США».

Холмс довольно хмыкнул:

– Думаю, это свидетельство того, что наш сюжет получает развитие, Ватсон. Пожалуйста, впустите джентльмена, миссис Хадсон, и принесите нам чаю.

Миссис Хадсон впустила плотного краснощекого молодого человека, и я предложил ему плетеное кресло. Одет он был в строгий костюм чиновника, находящегося на дипломатической службе. Он с интересом рассматривал необычную обстановку нашей гостиной.

– Мистер Крейн, – сказал сыщик. – Я Шерлок Холмс, а это мой друг и партнер доктор Ватсон. Что случилось с полковником Харденом?

Молодой человек изумился:

– С полковником Харденом, сэр? Почему вы об этом спросили? Я ведь никому ничего не рассказывал!

– Но это одна из моих особенностей – знать о вещах, о которых мне никто не рассказывал, мистер Крейн. А теперь пейте свой чай и объясните, что вас сюда привело.

– У меня для вас срочное поручение, сэр. Это касается полковника Хардена. Посол получил от него сообщение и приказал мне немедленно передать его вам и сопровождать вас в пути.

– В пути? – переспросил Холмс и потер руки. – Ватсон, дела все лучше и лучше! А когда мы отправимся, мистер Крейн?

Американец достал из шляпы листок бумаги:

– Может быть, вам сначала следует взглянуть на послание полковника Хардена, сэр?

Холмс прочитал сообщение и передал его мне. Вверху не значилось никакого адреса, и было ясно, что оно было составлено наспех.

«Свяжитесь с Холмсом, 221-б, Бейкер-стрит. Передайте ему извинения полковника Джона В. Хардена и запросите самую срочную помощь. Будем ждать на станции Ватерлоо. Комнаты заказаны в Винчестере, гостиница „Белый лебедь“, для Холмса и его помощника. В расходах не стесняйтесь. Действуйте безотлагательно.

Джон В. Харден

Комитет гражданской службы

(в отставке)».

– Вот и все, что известно посольству, мистер Холмс, – сказал Крейн. – Сообщение пришло с посыльным меньше часа назад, и мне было приказано сопровождать вас в Винчестер.

– А если бы я отказался поехать? – спросил Холмс.

– Его высокопревосходительство дал мне *carte blanche* и велел доставить вас в Винчестер, приняв любые меры в случае необходимости. С полковником Харденом его связывает самая тесная дружба.

– Ну тогда мы не станем осложнять англо-американские отношения и ставить в неприятное положение вас, мистер Крейн. Если вы позволите нам с моим другом упаковать вещи, мы сразу же отправимся с вами на вокзал Ватерлоо. Хотя в нашу последнюю встречу полковник Харден не был со мной откровенен и держался недружелюбно, я чувствую, что сейчас его отношение ко мне смягчилось.

Не прошло и часа, а мы уже мчались на юго-восток страны в вагоне первого класса. Внезапный отъезд лишил нас возможности позавтракать, но с нами была плотно упакованная корзина с провизией. Холмс, который мог днями обходиться без пищи, когда его дедуктивный мыслительный процесс заходил в тупик, сейчас жизнерадостно приступил к поглощению яств и вина.

– Запасайтесь, Ватсон! – сказал он. – Запасайтесь! Вы должны сейчас вспомнить свое армейское прошлое, когда ели что придется и сколько влезет. Ну а если полковник Харден не готов быть со мной предельно откровенным, мы всегда сможем вернуться на Бейкер-стрит.

5

ПРЕСЛЕДОВАНИЕ ПОЛКОВНИКА ХАРДЕНА

– Позвольте мне сразу сказать вам, мистер Холмс, что я прошу извинить меня за поведение в отношении вас в Лондоне. Я не только подверг вас и доктора Ватсона опасности, но почти что назвал вас лжецом, когда вы мне сказали, что я нуждаюсь в вашей помощи. Да, сэр, я теперь очень в ней нуждаюсь, хотя вполне пойму, если вы мне откажете.

Человек, который встретил нас в Винчестере, очень отличался от того гордеца, с которым мы познакомились в Лондоне. Теперь он сник, его худое лицо было бледным и озабоченным. Как только мы приехали в гостиницу «Белый лебедь», он сразу же отослал заплаканную жену и дочерей в другую комнату и затем снова принес свои извинения Холмсу.

Мой друг протестуя взмахнул рукой:

– Все это дело прошлое, Харден. Вы, несомненно, считали, что поступаете наилучшим образом. Даже я иногда ошибаюсь. Я, конечно, охотно помогу, но при условии, что вы исчерпывающе и честно ответите на мои вопросы.

– Разумеется, сэр, – согласился полковник.

– Итак, почему вы так срочно меня вызвали?

Лицо полковника исказилось от боли.

– Мой сын Джей – Джон Винсент Младший – исчез! Его захватили те же негодяи, которые угрожали мне!

Холмс без приглашения опустился в кресло:

– Вы бы лучше начали с самого начала. Кто вам угрожает и с каких пор?

– Вот здесь-то и зарыта собака, мистер Холмс! Я не знаю, кто мне угрожает! – вскричал полковник. – Но угрозы начались, едва я приехал в вашу страну, и с тех пор продолжают и с каждым разом становятся все более зловещими.

– Рассказывайте! – приказал Холмс.

– В тот самый день, когда мы ступили на берег Англии и я стоял на пристани, за моей спиной раздался голос: «Полковник Харден, вам бы лучше вернуться в Америку с тем же пароходом». Я просто ушам своим не поверил, оглянулся, но не увидел никого, кто мог бы это сказать.

– А потом?

– Когда выгружали наш багаж, оказалось, что потерялся один из сундуков. Его нашли, и пароходная компания доставила сундук в нашу гостиницу на следующий день. Сундук был заперт, сэр, и очень надежно, но когда мы его открыли, там был адресованный мне конверт. Мне опять угрожали и в тех же выражениях – мол, немедленно уезжайте из Англии.

– У вас сохранилось письмо?

– Нет, я его уничтожил. Я не хотел, чтобы моя семья знала об угрозах.

– Жаль, – ответил Холмс, – ну да это не имеет особого значения. Что последовало далее?

– Я приехал в Англию для проведения некоторых экспериментов в области фотосъемок. Я являюсь изобретателем чрезвычайно искусно сконструированной фотокамеры, которая сможет оказать большую помощь в работе как следователям по криминальным делам, так и археологам...

– Полковник, – перебил его Холмс. – Я читал ваше интервью в газете и с большим интересом ознакомлюсь с вашим изобретением. На вас оказывали давление в связи с вашими экспериментами?

– Да, сэр, именно так. Но я полагал, что все эти угрозы просто нелепость и исходят от группы сумасшедших социалистов или анархистов, потому что, как известно, я богат. Но затем мне снова угрожали в Вестминстерском аббатстве.

– В самом аббатстве? – ужаснулся я.

– Да, доктор. Я поставил фотокамеру и только накрыл голову накидкой, как совсем рядом послышался голос: «Полковник Харден, прислушайтесь к нашему совету и отправляйтесь в Америку следующим пароходом».

– А вы что сделали?

– Я тут же сорвал накидку с головы, но тот, кто сказал это мне, молниеносно исчез. Поблизости не было ни души.

– А что было потом?

– Где бы я ни расставлял треногу, мне каждый раз опять угрожали, и всегда это был спокойный голос человека, находящегося совсем рядом. А затем я снова получил письмо с угрозой.

– А какой это был голос? Мужской? Молодой? Интеллигентный? С акцентом или без?

– Это был особенный голос, высокий, даже пронзительный, и одновременно хрипловатый. Насколько я могу определить, голос принадлежал человеку пожилому, а что касается акцента, то я ведь не очень знаком с английскими диалектами.

– Что содержалось в письме?

– Нечто насчет того, что я теперь легкая мишень, когда сию у окна в гостинице, и что если я не уеду обратно, мне это постараются доказать.

– И мы знаем, что за этим последовало, – заметил Холмс. – А еще что-нибудь произошло после вашего отъезда из Лондона?

– Нет, мистер Холмс, ничего – до тех пор, пока какой-то негодяй не украл моего сына. – И лицо Хардена исказила гримаса, одновременно гневная и горестная.

– Успокойтесь, полковник, – сказал Холмс. – Я совершенно уверен, что вашему сыну не причинят никакого вреда. Расскажите, каким образом он попал к ним в руки.

– Вчера, – ответил полковник, делая видимые усилия, чтобы сдержать свои чувства, – вчера во второй половине дня Джей пошел в лавку, находящуюся в соседнем квартале; там торгуют сладостями и сигарами. Он долго не возвращался, так долго, что я решил прогуляться в том направлении, но его нигде не было видно, однако я обратил внимание, что лавка расположена напротив театра.

– А это имеет какое-то значение? – спросил я.

– Джей не может равнодушно пройти мимо какого-либо театра, доктор. Он просто обожает актеров, – ответил Харден. – Я подумал, что, возможно, он зашел в театр, но первым делом расспросил хозяина лавки.

– Что он сказал? – спросил Холмс.

– Он вспомнил Джея и сказал, что юноша купил конфеты, а затем перешел на другую сторону улицы и стал читать афиши. Он видел, как мой сын стоял на боковой улочке у входа в театр и разговаривал с двумя мужчинами. Взгляд Холмса просветлел.

– Вы можете описать их?

– Хозяин магазина не обратил на них особого внимания, но отметил, что один из них был высокий, плотного сложения и неуклюжий, а другой поменьше. На обоих были легкие пальто и шляпы.

– Что могло происходить между ними и вашим сыном?

– Я не знаю. Хозяин добавил, что через пару минут он снова взглянул на противоположную сторону улицы, но там уже никого не было.

– Улочку осмотрели? – спросил Холмс.

– Я туда пошел сразу же. Она ведет к боковому входу в театр, дверь была заперта изнутри, но в изгороди там есть дыра, через которую можно проникнуть на свалку на задворках театра. И вот что я нашел там на дорожке. – Он вынул из кармана небольшой пакетик и положил на стол.

Холмс взял его и рассмотрел. Это был кулек из дешевой белой бумаги с горсткой конфет. Холмс повертел кулек в длинных пальцах и понюхал.

«Грушевые леденцы», – заметил он про себя и взглянул на американца:

– Как вы думаете, что приключилось с вашим сыном?

– Его заманили в глубь улочки обещанием провести в театр. Затем его схватили, сбив с ног, и протаскили через дыру в заборе на свалку. Наверное, неподалеку там стоял экипаж.

– Совершенно верно, – сказал Холмс, – а что находится за свалкой?

– Дороги, ведущие на север из города и на вокзал, – начал я, но Харден меня перебил.

– Понимаете, мистер Холмс, они уже в считанные минуты могли увезти его на поезде! Он может быть уже в Лондоне или где-нибудь в другом месте Англии. Его могли перевезти и на континент!

– Ну это безосновательное заключение, – сказал, вставая, Холмс. – Нам нужно побольше данных. Вы сообщили обо всем в полицию графства?

– Как только понял, что сын пропал.

– Как вы считаете, что они задумали?

– Думаю, что они захватили Джея с целью выкупа. И главный констебль графства считает, что негодяи вскоре напомнят о себе.

– Он, наверное, любит приключенческие романы больше, чем ваш сын, – ответил Холмс. – Дело не в выкупе, полковник. Такие похищения в Англии столь же редки, как в вашей стране. Более того, в этом случае похитители сразу же вступили бы с вами в контакт, хотя бы только для того, чтобы помешать вам пустить по их следу полицию.

– Чарли Росса похитили прямо с лужайки перед родительским домом, – ответил полковник. – И больше не нашли.

– Это исключение, которое только подтверждает правило. То был уникальный инцидент, и он вызвал бурю негодования в Соединенных Штатах. А кроме того, в деле Росса не содержалось требований о выкупе. Нет, полковник, похищения с целью выкупа – это характерно для Средиземноморья и Южной Европы, но не для Англии. Здесь дело совсем в другом.

И обернулся к двери.

– Давайте пойдем и осмотрим место похищения, – сказал Холмс. – После чего я смогу, наверное, сделать несколько предварительных выводов.

До боковой улочки было всего несколько минут ходьбы. Сначала Холмс зашел в лавку и расспросил хозяина, но тот ничего не мог добавить к уже сказанному. Тогда мы перешли на противоположную сторону, и Холмс, широко раскинув руки, преградил нам дорогу. Пока мы стояли, Холмс осторожно двигался по середине улочки, не отрывая взгляда от земли. Время от времени он наклонялся и что-то подбирал. В дальнем конце улочки он вынул увеличительное стекло и внимательно осмотрел штакетник около дыры, что-то снимая с него, а затем дал нам знак следовать за ним и пролез в дыру. Мы поравнялись с ним у свалки за театром. Это была обычная смесь грязи и разбитых кирпичей, которая остается после сноса дома, а под весенним солнцем эта кирпичная мешанина сильно нагрелась.

– Не видно никаких следов и отпечатков, – рискнул я высказать замечание.

– Их нет, – ответил Холмс задумчиво, – а все же могли остаться какие-нибудь ценные мелочи. Подождите меня немного.

Осторожно, петляющим шагом, он стал ходить по свалке, по-прежнему не отрывая взгляда от земли и время от времени наклоняясь. Примерно через пятнадцать минут он присоединился к нам.

– Здесь оставаться больше незачем, – сказал Холмс. – Давайте вернемся в гостиницу, и там я расскажу, какие я сделал выводы.

Мы опять оказались в номере Хардена, и Холмс встал у окна. Мы с полковником сели и с ожиданием посмотрели на него.

– А теперь, полковник Харден, у нас есть кое-какая информация и можно на этом основании сделать некоторые предположения, – объявил Холмс. – Прежде всего, и это самое важное, вашему сыну пока не причинили сколько-нибудь существенного вреда.

– Как вы можете говорить об этом с такой уверенностью? – требовательно спросил полковник.

– Именно потому, что его похитили не с целью получения выкупа, – ответил Холмс. – В таких случаях для преступников главное завладеть жертвой и получить деньги, а судьба ее мало их интересует. Маленький Чарли Росс, я уверен, уже давно расстался с жизнью. Но в данном случае мы имеем дело с искусными профессионалами, которые уже продемонстрировали, что не склонны убивать сразу же, даже в тех случаях, когда они могут рассчитывать на безнаказанность. Если бы, напротив, они хотели убить юношу, то перерезали бы ему глотку на той же боковой улочке и сумели бы исчезнуть, не оставив никаких следов.

Американец вздрогнул от резких слов Холмса.

– Да, это звучит вполне правдоподобно, – согласился он. – Но если это не похищение с целью убийства или получения выкупа, тогда из-за чего весь этот сыр-бор?

– Вашего сына похитили, возможно, в качестве заложника. Кто бы ни были ваши преследователи, ясно одно – они очень хотят, чтобы вы уехали из Англии. Они угрожали вам устно и письменно, но эти угрозы не произвели на вас должного впечатления. Теперь они, похитив вашего сына, пытаются сыграть на ваших отцовских чувствах и заставить вас покинуть нашу страну.

– Но почему они похитили именно сына, а не жену или одну из дочек?

Холмс сухо улыбнулся:

– Зная увлечение Джея театром, преступникам не составило никакого труда заманить его в ловушку. Мы знаем, что за вашей семьей следят с самого начала вашего пребывания в Англии. Преступники легко могли заметить, что ваш сын чаще посещает лавку напротив театра, чем ту, что к вам ближе и мимо которой мы проходили. Поэтому-то они и смогли организовать похищение вашего сына.

– А как все это, по-вашему, произошло, Холмс? – спросил я.

– Те, кто постоянно следил за семьей полковника, увидели, как Джей выходил из гостиницы. Они поджидали его на углу боковой улочки, именно там один из них обронил окуроч. Завязав с юношей разговор, они под каким-то предлогом завлекли его в глубь улочки, где набросили ему на голову вот это. – И Холмс вынул из кармана лоскуток и бросил его мне на колени.

Это был маленький кусок хлопчатобумажной ткани, и мне не надо было подносить его к носу, чтобы уловить знакомый запах.

– Хлороформ! – воскликнул я.

– Совершенно верно, – ответил Холмс. – Когда он потерял сознание, его протащили через дыру в заборе и положили на сиденье ожидавшего экипажа, которым, наверное, правил третий участник преступления. Поджидая сообщников, он выкурил две дешевые тамильские сигары с квадратными концами. Когда они укладывали Джея на сиденье экипажа, на его сюртуке из серой шерстяной фланели оторвалась пуговица, а изо рта выпал грушевый леденец. Если в экипаже сидят по крайней мере четверо, он не может не оставить следов. Экипаж выехал со свалки в северном направлении.

Широко раскрыв глаза от изумления, полковник Харден воскликнул:

– Сюртук! Пуговица! Каким образом вы это узнали?

– Элементарно, полковник. На штaketнике осталось несколько ворсинок светло-серой шерсти, которые явно не принадлежали одежде бандитов, а пуговица валялась у борозды, проделанной колесами экипажа.

Холмс достал пуговицу из кармана и положил ее на стол:

– Вы, очевидно, сможете рассмотреть штамп на оборотной стороне пуговицы – «Нью-Йоркская пуговичная корпорация»?

– Чудеса! – воскликнул полковник, взял пуговицу и стал вертеть ее в руках. – Вы точно-точно такой проницательный, как мне говорил доктор Ватсон.

– Я просто напрактиковался в искусстве наблюдения и дедукции, полковник, но, увы, это не поможет мне ответить на ваш следующий вопрос.

Харден взглянул вверх:

– Вы хотите сказать, что не знаете, куда они увезли сына?

Холмс кивнул.

– Я мог бы сказать, куда они его не увезли, – ответил он. – Джея нет ни в Лондоне, ни за границей. Привезти бесчувственного юношу такого роста, как ваш сын, на железнодорожную станцию значило бы обратить на себя внимание. В порту было бы то же самое. А кроме того, ближайший порт находится примерно в двадцати милях отсюда. Они бы избрали этот маршрут только в случае крайней необходимости. Полагаю, их штаб-квартира расположена не далее чем в десяти милях отсюда.

– Значит, тогда полиция сможет начать поиски, – сказал Харден. – Люди могли видеть экипаж...

Холмс поднял руку:

– Среди холмов вокруг Винчестера разбросаны в буквальном смысле сотни уединенных коттеджей, ферм и даже особняков – слишком много, чтобы силами полиции всего графства можно было бы их обыскать. К тому же частные экипажи выезжают из города десятками, не привлекая внимания. Нет ничего более незаметного, чем обыкновенное.

– Но тогда что же мы можем предпринять? – спросил полковник.

– Наверное, похитители хотели, чтобы вы некоторое время мучились в догадках насчет того, что случилось с сыном. Когда, по их мнению, наступит подходящий момент, они снова вступят с вами в контакт и потребуют, чтобы вы уехали из Англии, и только на таком условии вернут вам сына. И уже после этого у нас появится шанс узнать, кто похитители, откуда они и в чем суть этого необычного происшествия.

Полковник Харден в отчаянии сжал ручки кресла:

– Проклятие, Холмс! Это все так тяжело, но ведь мы можем, конечно, что-нибудь сделать?

– Я предлагаю сейчас немного подкрепиться и за едой обсудить, что может скрываться за всеми этими событиями. Мы, сами того не понимая, уже располагаем достаточной информацией, чтобы сообразить, кто эти злодеи.

6

РАССКАЗ ДЖЕЯ ХАРДЕНА

Холмс наклонился над чайным столиком и оперся подбородком на руки:

– А теперь, джентльмены, мы должны поразмыслить над мотивами похищения Джея. Почему и зачем банда, по-видимому, опытных и искусных в своем деле преступников так интересуется исследованиями полковника Хардена?

Полковник изумился:

– Вы так думаете? Вы считаете, что секрет заключен в моей стереоскопической камере?

– Я хочу начать расследование именно с этого, – ответил мой друг, – потому что не вижу другого отправного пункта. Для кого-то ваше присутствие здесь явно нежелательно. И единственное необычное обстоятельство, связанное с пребыванием в Англии богатой американской семьи, – это ваши эксперименты, поэтому я и предполагаю, что все дело в них.

Вид у полковника был обескураженный.

– Конкурент? – предположил я. – Некто опасющийся вашей работы по коммерческим причинам и решивший ее прервать?

Харден медленно покачал головой.

– Я этого не думаю, – ответил он. – Мне известно, что из-за конкуренции некоторые бизнесмены способны задать сопернику довольно серьезную трепку, но не до такой степени. Например, говорят, что Эдисон довольно жесток с конкурентами, но он больше не интересуется стереоскопией. Он, разумеется, использует ее, но утверждает, что будущее за живыми картинами.

– А кто-нибудь пытался перекупить у вас вашу идею? – спросил Холмс.

– Нет, а если бы и попытались, то я ответил бы отказом! Моя камера экспериментальная и далеко не готова, еще очень много тонкостей не учтено, и часто приходится действовать путем догадки, интуитивно. Камера требует большего усовершенствования. К тому же патент на нее сейчас не представляет значительной ценности. Да и основополагающий принцип был положен еще до изобретения фотографии, и мои исследования являются только продолжением развития и уточнения теоретических данных вашего Уитстоуна.

– Значит, вряд ли они руководствуются соображениями наживы, – заметил Холмс. – Иначе они преследовали бы вас еще в Америке. Сдается мне, что ваши недоброжелатели только хотят помешать вам продолжать исследования, а это позволяет предположить, что они почему-то считают, будто ваши новые открытия каким-то образом могут им навредить.

– Но я не могу понять, какой вред могут им причинить мои фотографии, – возразил Харден. – Пока они сидели сложа руки, я тратил большие деньги и время и расширил наши общие познания в области старинной архитектуры. Какой может быть от этого вред?

– Возможно, к этому причастен какой-нибудь сумасшедший археолог, – рискнул я высказать предположение, – какой-нибудь одержимый манией ученый, чьи теории могут быть опровергнуты с помощью ваших исследований?

Холмс коротко рассмеялся:

– Уверяю вас, что нет более опасных существ, нежели ученые, чьим драгоценным теориям угрожают новые открытия, но их оружие – чрезвычайно ядовитые, полные сарказма статьи и публичные выступления. Я был бы очень удивлен, если бы они обратились к помощи духовых ружей и захвату заложников. А кроме того, пока вы, полковник, не высказались публично о результатах своих исследований, они и понятия не имеют о ваших открытиях.

Стук в дверь возвестил о приходе управляющего, который сказал, что внизу ожидает посыльный с сообщением для полковника.

Лицо Хардена прояснилось.

– Пришлите его наверх, старина! Пришлите!

– Я не решился этого сделать, сэр, потому что это странный посыльный, подросток, сэр, довольно грязный деревенский парнишка. Ему было сказано, чтобы он передал с кем-нибудь свое сообщение и отправился восвояси, сэр, но он настаивает на том, чтобы увидеться с вами лично.

– Тогда приведите его, какой бы он грязный ни был, – приказал полковник, и управляющий поспешно ушел.

Харден снова повернулся к нам:

– Вы были правы, мистер Холмс. Они выждали некоторое время, а теперь напоминают о себе.

Через несколько минут управляющий вернулся, сопровождая юнца в невообразимо грязных вельветовых штанах. Вокруг воротника был повязан такой же грязный шейный платок, на ногах были забрызганные грязью гетры и рваные ботинки. Лицо, тоже сильно запачканное, было наполовину закрыто низко надвинутым огромным картузом.

Он остановился в двух шагах от стола, держа руки в карманах, и исподлобья посмотрел на нас:

– Вы – Шерлок 'Омс, – объявил он моему другу с типичным хемпширским акцентом, – а вы – доктор Ватсон.

Мы кивнули в подтверждение его слов, а управляющий очень разгневался.

– А ну-ка вынь руки из карманов, парень, и долой шапку! – прикрикнул он, стащив с него картуз.

Холмс громко расхохотался, а полковник Харден ошеломленно смотрел на густую волнистую шевелюру Джона Хардена Младшего. Спустя мгновение полковник со слезами на глазах обнимал сына, Холмс утешал смущенного управляющего звонкой монетой, а жена полковника и дочка, услышав радостные восклицания, вбежали в комнату.

Позвольте мне набросить покров молчания на чудесную сцену воссоединения семьи. Достаточно сказать, что через час Холмс, полковник и я сидели в обществе гораздо более чистого и до некоторой степени сытого Джея, приготовившись выслушать рассказ о его приключениях.

Он рассказал, как его заманили к театру двое мужчин, и описал их внешность:

– Мужчина, который заговорил со мной, был выше и толще другого. Я не очень обратил внимание на маленького, он был бледный и тощий, но у того, что повыше, было круглое розовое лицо и толстый нос. В нем было что-то от свиньи и говорил он как-то странно.

– А как он говорил? – спросил Холмс. – У вас хороший слух, молодой человек, вы легко усваиваете акценты, скажите, как он говорил?

Юноша сморщился от сосредоточенности и напряжения, а затем повторил то, что сказал ему толстый:

– «Добрый день, сынок. Вижу, ты интересуешься театром».

Холмс тщательно прислушался, потом вопросительно взглянул на меня.

– Болен хроническим ларингитом! – ответил я, удивляясь искусству, с которым юноша воспроизвел акцент.

– Весьма вероятно, – согласился мой друг и взмахнул рукой, словно дирижировал оркестром. – Повторите.

Юноша повторил фразу. Холмс закрыл глаза и откинул голову назад, потом быстро открыл глаза, словно стрельнув взглядом.

– Это Дрю, – сказал он. – Несомненно, голос его! – И повернулся к полковнику: – У вашего сына очень острый слух. Он воспроизводит звуки точнее и вернее, чем фонограф.

– Мне кажется, что именно этот голос мне угрожал, – взволнованно проговорил американец. – Но кто он, этот Дрю?

– Дрю – человек неблаговидной репутации, которого едва не посадили под замок четыре года назад. Когда я имел дело с его хозяином, то предоставил в десять раз больше чем достаточно улик, чтобы осудить Дрю и его сообщников. Но мои друзья в Скотленд-Ярде сообщили мне, что Дрю удалось избежать правосудия, потому что если бы его судили, то была бы запятнана репутация очень высокопоставленных лиц и вряд ли свидетели захотели бы давать показания. Мне доставит особенное удовольствие расстроить любые его замыслы.

И он повелительно взмахнул рукой в сторону Джея:

– Продолжайте, пожалуйста.

Рассказ юного Хардена подтвердил дедуктивные умозаключения Холмса насчет того, каким образом было осуществлено похищение. Когда Джей очнулся от хлороформа, он понял, что с ним произошло, и сообразил не подавать вида, что пришел в сознание. Конечно, он никоим образом не мог определить, куда его везут.

– Я почувствовал, как экипаж едет по длинной, очень ухабистой проселочной дороге, потом он завернул направо, и мы остановились. Двое сидевших в экипаже позвали на помощь третьего, кучера, и все вместе они вытащили меня наружу. Я по-прежнему разыгрывал из себя мертвого опоссума, и им втроем пришлось нести меня в большой дом.

– Что представляет собой этот дом? – спросил Холмс. – Вы его видели?

– О, я его хорошо разглядел. Большой, как бывает у хозяев плантации, с большим крыльцом и колоннами. Я, помнится, подумал тогда: значит, такие дома есть и в Англии. Фасад дома был весь увит плющом, и он был такой густой, словно его долго не стригли.

– Ага! – воскликнул Холмс. – Ухабистая, заросшая подъездная аллея, портик с колоннами и нестриженный плющ на фасаде. А сейчас начало мая. Если плющ имеет такой запущенный вид, значит, в доме никто не живет уже больше года. Мы собираем факты, джентльмены, и скоро сможем определить, что это за дом. А каков он внутри, молодой человек?

– Я украдкой взглянул – меня внесли в просторный холл, с обеих сторон которого находились лестницы, ведущие наверх. Ни в доме, ни на лестнице не было ковров – и их ботинки громко стучали по полу. И наверное, было очень мало мебели.

– А куда они вас понесли?

– Они понесли меня вверх по левой лестнице, и потом по коридору. Шага опять звучали гулко, и я догадался, что там совсем не было мебели. Потом мы поднялись по маленькой лестнице в мезонин. Там были две маленькие комнаты, и они меня внесли в одну из них и бросили на кровать.

– Кровать была застелена?

– Нет, сэр. Просто железный остов с перекладинами. Я все еще притворялся, что без сознания, поэтому они ушли и заперли меня. Через несколько минут вернулся кучер, швырнул на кровать груды одеял и снова меня запер.

– Они разговаривали, когда вас несли?

– Они говорили, что меня надо сплавить и чем меньше будет известно, где я, тем лучше. Я очень испугался и подумал, что они собираются меня прикончить.

– А что вы стали делать, когда они вас заперли?

– Я сел и оглянулся, нет ли какого-нибудь выхода. Я не собирался там оставаться, надеясь найти возможность как-нибудь выбраться, но ничего такого не обнаружил. Дверь была крепкая и заперта с той стороны. И было только одно маленькое окошко. Я выглянул и увидел, что подомной три этажа и снаружи глухая стена. Да и само окошко было забито.

– Так как же вы бежали? – спросил я.

– Не перебивайте юношу, Ватсон! Так как же вам удалось бежать? – спросил и Холмс.

– Сначала я подумал, что застрял здесь надолго, а потом заметил в потолке небольшой люк. Я попытался достать до него, но было слишком высоко. Я попробовал встать на спинку кровати, но все равно не смог дотянуться до задвижки. Тут я услышал, как кто-то поворачивает ключ в замке, быстро лег и притворился спящим.

– Кто же это был?

– Опять кучер. Он принес тарелку с бутербродами и кувшин сидра. Он ничего не сказал, просто поставил все на пол и ушел. Я уже очень проголодался, поэтому чуть-чуть поел, хотя боялся, что пища может быть отравлена. Поев, я почувствовал себя крепче и мог лучше думать. И решил, что если поставлю кровать изголовьем вверх, то смогу использовать ее как лестницу и достану до задвижки, но боялся, что при этом будет много шума и стука. Я не мог придумать, как это сделать, чтобы они не слышали. Я долго думал, но ничего не решил. А потом услышал очень странные звуки внизу.

– Какие же это были звуки? – спросил Холмс.

– Чудные звуки, вроде пения с барабанным боем и криками. Никогда не слышал ничего подобного, разве, может быть... – И он осекся, как будто смутившись.

– Разве что? – подбодрил его Холмс.

– Я видел такое в Нью-Орлеане, на Конго-сквер, где танцевали барабанщики из секты вуду. И звуки в доме были такими же.

– Это когда же ты был на Конго-сквер? – сердито спросил полковник.

– Когда я ездил к тете Мими. Она сказала, что такое зрелище каждый должен видеть и что это здорово возбуждает, когда видишь, как все эти черные пляшут, бьют в барабаны и расппевают как безумные.

– Твоя тетя Мими, наверное, спятила! – гневно фыркнул полковник. – Юноша и белая женщина ночью на празднике вуду!

– Но с нами все было в порядке, – сказал Джей. – Нас сопровождал знакомый тети Мими, мистер Болден. Он музыкант, и у него есть свой оркестр.

– Я как следует поговорю с твоей тетушкой, как только снова окажусь в Нью-Орлеане! – грозно сказал полковник. – Но, мистер Холмс, мальчик ошибается. Вся эта чепуха о вуду и мамбо-джамбо...

– Возможно, он гораздо более прав, чем мы думаем, – ответил Холмс. – Так значит, молодой человек, вы под этот шум рискнули передвинуть кровать?

– Да, сэр. А после этого было легко пролезть через люк. Он вел на чердак, там было полно всякого старья и темно, но сквозь щели в боковых скатах крыши просачивался свет. Я навалил на люк несколько ящиков, чтобы на чердак не влезли, и стал искать выход. Ну, сначала я здорово растерялся. Оказалось, что на чердаке несколько отсеков, и в некоторых было так темно, что совсем ничего не видно, но я пробрался в самый конец, где просачивался свет. Потом я добрался до места, где один отсек соединялся с другим, и там была деревянная дверь, закрытая на засов, но он оказался очень хлипким. Тогда я толкнул дверь ногой, и она открылась.

– И где же вы оказались? – спросил я.

– На плоской крыше с парапетом, в который чуть не уткнулся. Позади был фронтон с острой крышей и боковыми скатами, но я стоял на ровном месте. Я догадался, что, наверное, это тыльная часть дома, подошел к парапету и попытался спуститься вниз, но пока не было никакой возможности это сделать. С места, где я стоял, можно было разглядеть большой сад и лужайки. Было уже почти темно, но тем не менее я увидел, что во дворе полно людей. Некоторые были одеты словно в пьесе.

– Что вы имеете в виду? – прервал его Холмс.

– Ну они были очень чудно одеты, в разноцветные длинные платья и халаты. Они обязательно бы меня заметили, если бы я попытался слезть, и я испугался. Я увидел, как они разо-

жгли большой костер посередине лужайки, и решил, что надо держаться от них подальше. Я перелез через скаты фронтона на фасадную сторону, но и там дело было ненамного лучше.

– Почему? – поинтересовался Холмс.

– Ну потому, что через фасадный парапет я увидел длинный ряд экипажей на подъездной аллее. Наверное, на них приехали те люди, которые стучали в барабаны и распевали, и я догадался, что там, у экипажей, остались кучера, поджидавшие своих хозяев. Но по крайней мере здесь не было костра, и темнота была мне только на руку. И я перелез через парапет.

– Как! Без веревки и какого-либо приспособления? – воскликнул я.

– Ну, веревки у меня, конечно, не было, доктор, так что пришлось обойтись без нее, но я разглядел, что по одну сторону от главного входа плющ был довольно густой, так что уцепился за него. На вид он был прочный, но я сомневался, выдержит ли он меня. Я перевернулся и опустил ноги вниз, туда, где ветки были погуще, и отпустил парапет. Плющ выдержал под моей тяжестью, хотя на какое-то мгновение мне показалось, что я падаю, но через несколько минут я почувствовал, что все-таки можно спускаться.

– Ты проявил достаточное хладнокровие, – заметил полковник и с удивлением покачал головой.

Джей рассказал далее, как он, тесно прильнув к плющу, одолевал дюйм за дюймом по темному фасаду дома, пока не оказался на высоте нескольких футов над землей, и спрыгнул. Скрытый тенью дома, он прополз в заросли кустарника возле подъездной аллеи.

– Вот это было самое трудное, – сказал Джей, как будто спуск с чердака был легким. – Я не видел ни зги и все время спотыкался, но все-таки в конце концов выбрался на большую дорогу. – Он замолчал на какое-то время, а потом продолжал: – Очутившись на этой дороге, я побежал что есть духу, но на ней мне нельзя было оставаться, ведь они могли устроить за мной погоню, поэтому я перелез через живую изгородь, спрятался за ней и заснул. Я решил, что в темноте они не смогут тщательно обыскать местность и мне тоже не удастся до рассвета найти дорогу до Винчестера.

– Меня удивляет, как вы могли уснуть в таких обстоятельствах, – заметил я.

– Ну, заснул я не сразу. Я был очень голоден и не мог спать, – ответил он, не отрывая взгляда от стола. – Уже рассвело, когда я проснулся. Я услышал крики и подумал, что они меня обнаружили, но потом увидел мальчика-подпаса с коровами на дальнем конце пастбища. Я решил, что он мне покажет, как добраться до Винчестера, и надеялся, что у него, может, есть при себе какая-нибудь еда. – И он опять пристально посмотрел на стол.

На этот раз полковник понял, в чем дело, и позвонил, чтобы принесли еще бутербродов. Снова подкрепившись, Джей продолжил рассказ:

– Я рассказал мальчику-подпаску все, что со мной случилось. Он как-то смешно говорил, и я даже сначала его не понял, но потом смог привыкнуть к его акценту. Он сказал, что в том доме обитают привидения и к нему близко никто не подходит. У него с собой было немного хлеба и сыра, и он со мной поделился.

Казалось, что на нашего юного миллионера самое большое впечатление из всего пережитого произвело испытание голодом – едва проглотив один бутерброд, он потянулся за другим.

– Я спросил у Чарли – так его зовут, – как добраться до Винчестера, и он сказал, что если я пойду по дороге, на которую вышел, то в Винчестер и попаду, но я побоялся по ней идти и подумал, что, наверное, здесь и застряну, а потом решил поменяться с Чарли одеждой.

– Но ты не силой заставил беднягу поменяться с тобой одеждой? – требовательно спросил полковник.

– Нет, сэр. В обмен на его одежду я отдал ему свой костюм и половину денег, что были при мне, а также все мои грушевые леденцы, но леденцы он отдал обратно и сказал, что они мне понадобятся: дорога длинная, а солнце печет. «Сейчас солнце жарит вовсю, как бы вовсе не в мае», – повторил Джей, имитируя речь своего английского приятеля. – Так все и оказа-

лось, – продолжал Джей, – я пошел по дороге, как сказал Чарли, и потом через поля выбрался к холмам, рядом с городом, но мне часто приходилось останавливаться, чтобы отдохнуть. Когда я пришел сюда, то сообразил, что, может, они меня отслеживают, поэтому назвался Чарли и сказал, что у меня есть сообщение для полковника, но добраться до него было потруднее, чем убежать из того дома.

Закончив свой рассказ, Джей вплотную занялся бутербродами, а мы с полковником удивлялись точности и деловитости пересказа его приключений. Холмс откинул голову на спинку кресла и закрыл глаза, несомненно, размышляя над подробностями только что услышанного.

– При первой же возможности я должен вознаградить этого Чарли, – сказал Харден. – Он не должен оказаться внакладе оттого, что помог моему сыну.

Мне было приятно это слышать, потому что я гордился этим английским деревенским парнишкой, который, существуя сам на гроши, проявил дружеские чувства к сыну американского миллионера, поделился с ним своей скудной пищей и даже вернул ему «драгоценные» грушевые леденцы.

Холмс выпрямился:

– Скажите, а вы смогли бы узнать этот дом?

– Конечно, – ответил Джей, жуя очередной бутерброд.

– И могли бы показать туда дорогу?

– Я знаю общее направление, – сказал юноша. – Но я не знаю точно всю дорогу, только небольшой ее отрезок возле самого дома.

– Но если мы определим верное направление, вы могли бы найти дом? – настойчиво спрашивал Холмс.

– Да уж точно, сэр, нашел бы, – ответил юный Харден.

– Тогда мы отправимся туда завтра ранним утром и посмотрим, что можно выяснить дополнительно. Полковник, я предлагаю вам подключить местную полицию и попросить, чтобы они отрядили с нами двоих своих людей. Ватсон, вы сможете достать военную карту местности? Джей, ваши приключения закончены, и, думаю, сегодня вам надо бы пораньше лечь спать.

– Но как быть с этим мерзавцем Дрю? – запротестовал полковник Харден.

– Родные Палестины Дрю – это Лондон, – ответил Холмс. – И как только преступники обнаружили побег вашего сына, они сразу же направились туда. Лучше давайте сначала посмотрим, что собой представляет этот дом.

7

ЗНАК ЗМЕИ

На следующее утро мы с Холмсом и полковником Харденом, инспектором Стаббингтоном и сержантом Морганом из местной полиции разместились в экипаже, а Джей сел вместе с кучером на козлы. Накануне вечером Холмс изучил карту окрестностей и пришел к некоторым выводам относительно того, где искать дом. Теперь он описал полицейским этот дом и высказал предположение, что он уже свыше года пустует.

Офицеры переглянулись, и Стаббингтон сказал:

– Это похоже на Уэйлс-Корт. Там давно никто не живет.

– А где расположен Уэйлс-Корт? – спросил Холмс.

– Это в самом конце Грейхэнгера, сэр, – ответил Морган. – И принадлежал он мистеру Гартону, банкиру. Дом уже года четыре как пустует.

– А вы знаете этот дом? – спросил Холмс. – Он соответствует описанию?

– Я бывал там только раз и то несколько лет назад, – ответил задумчиво Стаббингтон. – Из-за дела по поводу большого вечера в саду, на котором присутствовали даже королевские особы. Мне кажется, что дом действительно с колоннами и что его фасад увит плющом. Да, это похоже на то самое место.

– И уже прошло четыре года, как умер мистер Гартон, – добавил Холмс.

– О нет, сэр, – ответил Морган. – Старый мистер Гартон умер вот уже почти десять лет. И хозяином дома стал его сын, но он растратил все деньги отца и попал в очень нехорошую историю. Он всем задолжал, и нас запрашивал насчет него даже сам Скотленд-Ярд, и тогда он застрелился. Вот это и случилось четыре года назад.

– Конечно! – воскликнул Холмс, ударив себя кулаком по коленке. – Это, несомненно, Уэйлс-Корт. Кучер, – позвал он, – вы знаете, как проехать в Грейхэнгер?

– Да, сэр, – ответил кучер.

– Значит, везите нас туда и как можно скорее, – приказал Холмс и, закрыв глаза, откинулся на спинку сиденья.

Мы все очень удивились, но я знал, что спрашивать о чем-либо Холмса сейчас бесполезно, поэтому мы молча проехали примерно три мили.

Молчание нарушил Джей, который закричал:

– Вот дорога! Вот сюда я выбрался из кустарника!

Холмс моментально наклонился вперед, тщательно оглядывая окрестности по обе стороны дороги. Через минуту показались ворота.

– Не въезжайте! – скомандовал Холмс кучеру. – Мы пойдем к дому пешком.

Мы поспешно вышли и остановились у ворот.

За деревьями, беспорядочно разросшиеся ветви которых нависали над дорогой, была видна закругленная подъездная аллея, ведущая к портику с колоннами, доверху увитыми виргинским плющом, о котором нам рассказывал Джей. Гравий на подъездной аллее был грязный и неухоженный. Повсюду торчали пучки сорняков, по большей части раздавленных или вырванных колесами проезжавших экипажей, следы которых были еще свежи.

– Это тот самый дом, – торжествуя, заявил Джей, и мы действительно увидели оборванный плущ в том месте, где он прыгнул.

Мы подошли к дому и поднялись по ступенькам крыльца. Краска на красивой парадной двери поблекла, а медная ручка потускнела. Одна половина двери была слегка приоткрыта. Холмс тростью широко распахнул ее, и мы вошли. Это был просторный, изящно отделанный холл, с полом из темного мрамора и полукруглыми лестницами, завершающимися площадкой.

В холле совершенно не было никакой мебели и в центре пола мелом широкими линиями была начертана схема. Мне показалось, что какой-то прорицатель будущего начертил круг Зодиака. Там и сям линии были закапаны свечным воском. В воздухе стоял странно знакомый запах, сладкий и терпкий.

Шерлок Холмс остановился у мелового круга и медленно осмотрелся вокруг. Наконец он повернулся к полицейским.

– Инспектор, – сказал он, – могу я попросить вас и вашего сержанта обыскать верхние этажи, пока я с полковником Харденом и доктором осмотрим нижний? Джей, ступайте с офицерами наверх и помогите им.

– Слушаюсь, сэр, – ответил инспектор Стаббингтон, но можно узнать, вы полагаете, что мы найдем нечто особенное?

– Очень полезное правило для следователя, – ответил Холмс, – не ожидать ничего. Тогда он не будет ни разочарован, ни предубежден против того, что, может быть, найдет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.